

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

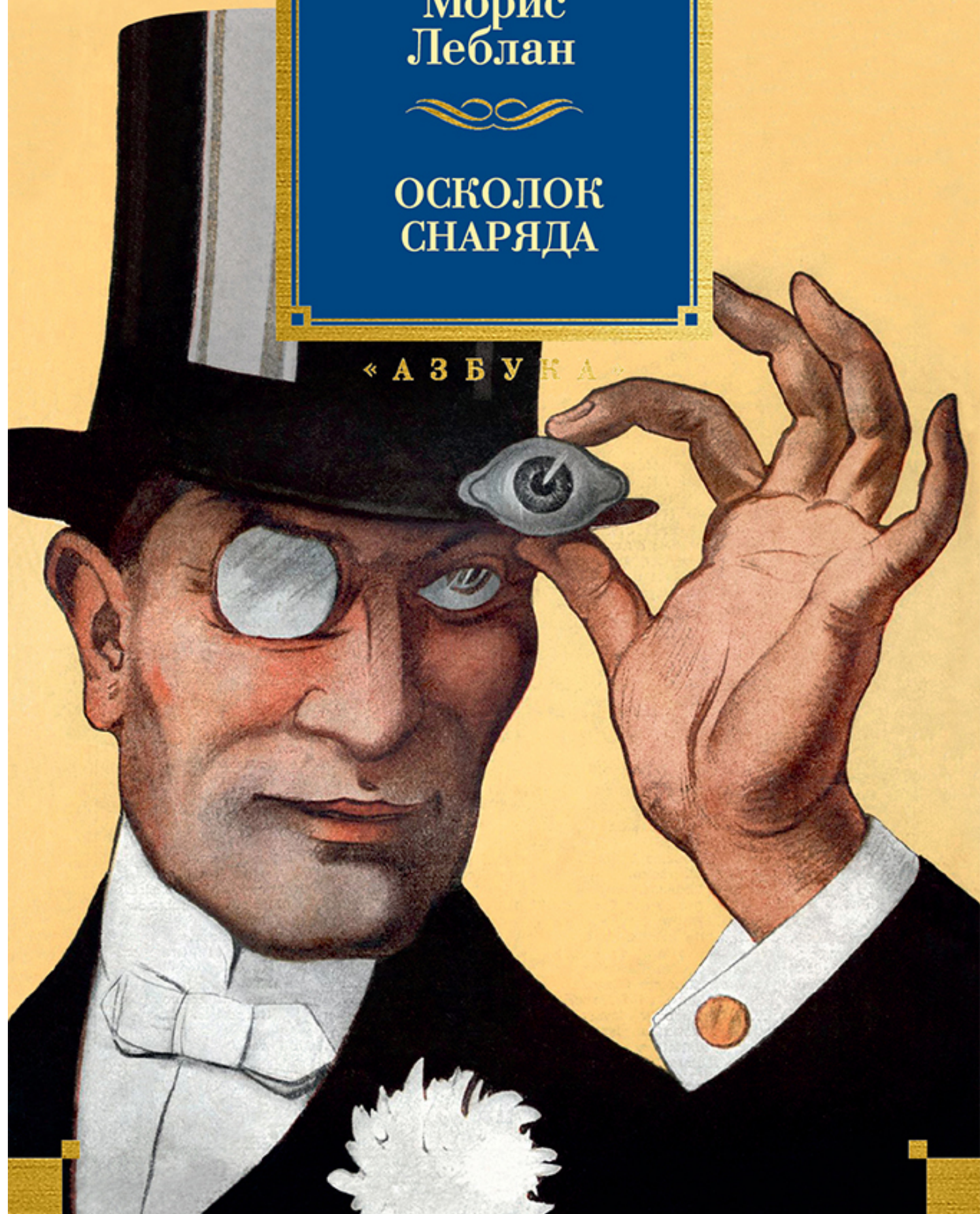
БК

Морис
Леблан

ОСКОЛОК
СНАРЯДА

« А З Б У К А »

Арсен Люпен

Морис Леблан

Осколок снаряда

«Азбука»

1916

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Леблан М.

Осколок снаряда / М. Леблан — «Азбука», 1916 — (Арсен Люпен)

ISBN 978-5-389-33547-9

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. Кто же такой этот Арсен Люпен? Арсен Люпен – неуловимый грабитель, о подвигах которого трубят все газеты, таинственный персонаж, джентльмен с неистощимой фантазией, орудующий лишь в замках и великосветских гостиных. Арсен Люпен – человек с тысячью обличей. Поймать его невозможно, предсказать его следующий шаг – исключено. Его хитрость, его благородство, его изобретательность не знают границ. Разве что великий и непобедимый Херлок Шолмс примчится из окутанного туманами Лондона, чтобы справиться с самым известным преступником Франции... Роман «Осколок снаряда» – увлекательная военно-детективная история, в которой Арсен Люпен появляется как второстепенный персонаж.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-33547-9

© Леблан М., 1916
© Азбука, 1916

Содержание

Осколок снаряда	8
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Морис Леблан Осколок снаряда

Maurice Leblanc
L'ÉCLAT D'OBUS

© М. Е. Тайманова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Иностранка®

* * *

КЛАССИКА
ДЕТЕКТИВА

Осколок снаряда

Часть первая

Глава первая Преступление

– Представьте себе, что однажды я очутился с ним лицом к лицу прямо на территории Франции!

Элизабет посмотрела на Поля Дельроза с той нежностью, с какой может взирать на своего супруга лишь юная новобрачная, восхищаясь каждым вымолвленным им словом.

– Неужели вы видели Вильгельма Второго во Франции? – спросила она.

– Своими глазами! И до сих пор помню все обстоятельства, которые сопутствовали этой встрече. Притом, что это было так давно...

Его голос зазвучал с какой-то особой значимостью, словно это воспоминание пробудило в нем самые тягостные мысли.

Элизабет воскликнула:

– Прошу вас, Поль, расскажите об этом, ну пожалуйста.

– Разумеется, расскажу, – ответил он. – И хотя в ту пору я был еще совсем ребенком, это событие столь трагически повлияло на мою жизнь, что я должен поделиться с вами этой историей в мельчайших подробностях.

Они вышли из вагона. Поезд остановился в Корвиньи, на конечной станции линии местного сообщения, которая начинается в главном городе департамента, проходит через долину реки Лизрон и заканчивается примерно в тридцати километрах от границы в лотарингском городке, который, как писал Вобан¹ в своих «Мемуарах», он «окружил самыми совершенными рavelинами, какие только можно вообразить».

¹ *Маркиз де Вобан Себастьян Ле Претр* (1633–1707) – один из величайших военных инженеров, маршал Франции, математик и писатель. С 1677 г. руководил всеми инженерными работами во Франции и укреплении ее границ, применительно к особенностям местности.

На вокзале царило необычайное оживление. Здесь собралось много солдат и еще больше офицеров. На перроне, ожидая отправления следующего состава, среди груды багажа толпились многочисленные путешественники – респектабельные буржуазные семейства, крестьяне, рабочие, посетители соседних бальнеологических курортов (поезда оттуда проходили через Корвиньи).

Был последний четверг июля 1914 года, последний день перед мобилизацией.

Элизабет испуганно прижалась к мужу.

– Поль, – сказала она с дрожью в голосе, – только бы не началась война!..

– Война, придет же такое в голову!

– И все же смотрите, люди уезжают подальше от границы, целыми семьями...

– Но это еще ни о чем не говорит...

– Конечно нет, но вы же только что читали газету. Новости не сулят ничего хорошего. Германия готовится к войне. Все давно спланировано... Поль, а вдруг нас разлучат и я вообще не буду знать, где вы и что с вами... а вдруг вас ранят... а вдруг...

Он сжал ее руку:

– Не бойтесь, Элизабет. Ничего плохого не случится. Ведь чтобы началась война, кто-то должен ее объявить. Я не верю, что найдется подобный безумец, страшный преступник, который осмелится принять это чудовищное решение.

– Я не боюсь, – сказала она, – вообще-то, я даже уверена, что, если вас призовут на фронт, я буду вести себя очень храбро. Вот только... только... по отношению к нам это будет очень и очень жестоко. Подумайте, мой дорогой, ведь мы поженились лишь сегодня утром.

При упоминании о столь недавней женитьбе, сулившей долгую и безграничную радость, ее милое личико, обрамленное золотистыми кудрями, сразу же озарилось доверчивой улыбкой, и она прошептала:

– Да, Поль, мы поженились лишь сегодня утром, и я еще почти не успела побыть счастливой.

В толпе произошло какое-то движение. Все устремились к выходу. Оказалось, что во двор вокзала, к ожидавшему его автомобилю, направлялся генерал в сопровождении двух адъютантов. Послышались звуки военного оркестра: по дороге к станции строем шел батальон пехотинцев. За ними следовала упряжка из шестнадцати лошадей, которая тащила огромное осадное орудие – несмотря на увесистый лафет, оно выглядело легким из-за длинного ствола пушки. Следом брело стадо коров.

Поль Дельроз стоял на тротуаре, держа в каждой руке по дорожному саквяжу. Он уже отчаялся отыскать носильщиков, когда к нему подошел человек в кожаных гетрах, зеленых вельветовых бриджах и охотничьей куртке с роговыми пуговицами и произнес, приподняв фуражку:

– Месье Поль Дельроз, если не ошибаюсь? Я смотритель замка...

У него было энергичное и открытое лицо, несколько загрубевшее от солнца и мороза, слегка поседевшая шевелюра и чуть грубоватая манера держаться, как у старых слуг, чье положение позволяет им сохранять полную независимость. Вот уже семнадцать лет он состоял на службе у графа д'Андевиля, отца Элизабет, и управлял его огромным поместьем Орнекен неподалеку от Корвиньи.

– А, так вы и есть Жером, – воскликнул Поль. – Прекрасно. Вижу, что вы получили письмо от графа д'Андевиля. Наши слуги уже добрались?

– Все трое прибыли нынче утром, месье, и помогли нам с женой привести в порядок замок, подготовиться к вашему с супругой приезду.

Он снова снял фуражку, приветствуя Элизабет, и та сказала ему:

– Значит, вы помните меня, Жером? Я ведь так давно здесь не появлялась!

– Мадемуазель Элизабет тогда исполнилось четыре года. Как же прискорбно было нам с женой услышать, что ни мадемуазель больше не приедет в замок... ни сам господин граф из-за его бедной почившей супруги. А не заглянет ли он к нам в этом году?

– Нет, Жером, вряд ли. Хотя прошло уже столько лет, отец по-прежнему глубоко скорбит о смерти мамы.

Жером взял саквояжи, подозвал коляску, заказанную заранее в Корвиньи, и перенес их туда. Большие чемоданы он погрузил на фермерскую тележку.

Стояла прекрасная погода. Верх экипажа был откинут.

Поль с женой уехали в него.

– Ехать недалеко, – заметил управляющий, – чуть больше двадцати километров... Но дорога идет в гору.

– Ну а замок пригоден для жилья? – спросил Поль.

– Конечно, его не сравнить с полностью обжитым домом... да месье сам увидит. Мы сделали все, что в наших силах. Моя жена так рада приезду хозяев!.. Она будет встречать месье и мадам внизу у главной лестницы в парке. Я предупредил ее, что месье и мадам придут не позже чем в половине седьмого – в семь...

– Славный малый, – заметил Поль, когда коляска тронулась, – должно быть, ему редко выпадает возможность поговорить, вот он и наверстывает упущенное...

Дорога, главная магистраль, на которой сейчас царило необычное оживление, проходила по самому центру города среди теснившихся по обе стороны магазинов, общественных зданий и гостиниц и круто поднималась на холмы Корвиньи. Затем она шла вниз, огибая древние бастионы, построенные Вобаном. Потом местность, прилегающая справа и слева к двум фортам – Пти-Жонасу и Гран-Жонасу, – становилась неровной.

И вот, когда они ехали по этой извилистой дороге, бегущей среди полей овса и пшеницы, под тенистыми кронами выстроившихся в ряд тополей, Поль Дельроз вернулся к эпизоду из своего детства, о котором обещал рассказать Элизабет.

– Как я уже говорил, Элизабет, он связан с чудовищной драмой, причем так тесно, что они слились в моей памяти в единое целое. В то время об этом происшествии много говорили, а ваш отец, который, как вам известно, был близким другом моего отца, узнал обо всем из газет. Я просил его ничего вам не рассказывать: я хотел, чтобы об этих страшных событиях вы узнали именно от меня...

Их руки встретились. Он не сомневался, что каждое его слово будет воспринято с глубоким сочувствием, и, немного помолчав, продолжил:

– Мой отец был из породы людей, способных вызвать симпатию, даже скорее дружеское расположение, у всех, с кем им доводится общаться. Пылкий, благородный, обаятельный и великодушный, он проявлял интерес к любому благому делу и красивому зрелищу... любил жизнь, словно торопясь насладиться ею сполна.

В тысяча восемьсот семидесятом году он отправился на войну добровольцем и заработал свои лейтенантские нашивки на полях сражений. Героическое солдатское существование оказалось настолько сродни его натуре, что он пошел воевать второй раз – в Тонкине, и в третий – участвовать в завоевании Мадагаскара.

Из последней кампании он вернулся капитаном и кавалером ордена Почетного легиона и сразу же женился. Шесть лет спустя он стал вдовцом.

Мне не было и четырех, когда умерла моя мать, и отец окружил меня особо нежной заботой, поскольку смерть жены нанесла ему жестокий удар. Он решил, что сам займется моим воспитанием. Что же касается физического развития, то он старался, чтобы я вырос крепким и отважным. Летом мы ездили к морю, зимой в Савойские горы – в царство снега и льда. Я всем сердцем любил отца. Даже сегодня не могу без волнения вспоминать о нем.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, я поехал с ним в путешествие по Франции, которое он многие годы откладывал, потому что хотел, чтобы мы совершили его вдвоем лишь тогда, когда я смогу полностью осознать смысл этой поездки. Это было паломничество по тем местам и по тем же дорогам, где он сражался в тот страшный год.

Эти дни, которым предстояло завершиться ужасной трагедией, оставили во мне неизгладимые воспоминания. Сколько слез я пролил, видя, как на берегах Луары, на равнинах Шампани, в долинах Вогезов, а главное – в деревнях Эльзаса плачет мой отец! Какие наивные надежды я питал, слушая его слова, полные великих надежд!

«Поль, – говорил он, – я уверен, что придет день и ты столкнешься с тем же врагом, с которым довелось сражаться и мне. Но отныне не слушай красивых слов о примирении, а проникнись ненавистью к этому врагу. Что бы ни говорили эти варвары, эти надменные звери, ради добычи они готовы пролить чью угодно кровь. Однажды они уже раздавили нас и не успокоятся, пока не раздавят нас снова и на сей раз окончательно. И когда придет этот день, Поль, вспомни весь тот путь, который мы прошли с тобой вместе. Но я ничуть не сомневаюсь, что для тебя он станет путем триумфа. Ни на миг не забывай, Поль, эти имена: Фрошвиллер, Мар-ла-Тур, Сен-Прива и многие другие, связанные со страданиями и унижениями, и пусть радость победы навеки запечатлит их в твоей памяти! Не забывай их, Поль...»

Потом он улыбнулся: «К чему беспокоиться? Враг сам позаботится о том, чтобы пробудить ненависть в сердцах не только тех, кто уже все забыл, но и тех, кто еще с ним не сталкивался. Разве он способен измениться? Увидишь, Поль, ты сам все увидишь. Мои рассказы не могут передать страшную реальность... Это не люди, это чудовища».

Поль Дельроз замолчал. Жена робко спросила его:

– Вы полагаете, что ваш отец был прав?

– Скорее всего, он был тогда под сильным впечатлением от собственных воспоминаний, которые еще были свежи в его памяти. Я много путешествовал по Германии, даже жил там какое-то время, мне кажется, что там сейчас совсем другие устроения. К тому же, должен сознаться, я так и не смог до конца понять слова моего отца... И все же... все же очень часто они меня тревожат. А то, что произошло потом, было совсем уж невероятно!

Коляска стала двигаться медленнее. Дорога постепенно поднималась по холмам, возвышающимся над долиной Лизрон. За Корвиньи заходило солнце. Они миновали дилижанс, груженный чемоданами, затем два автомобиля, набитые пассажирами вперемешку с багажом. По полю проскакал кавалерийский отряд.

– Давайте пройдемся! – сказал Поль Дельроз.

Они пошли пешком следом за коляской, и Поль продолжал:

– Элизабет, мне осталось рассказать вам то, что моя память сохранила в мельчайших подробностях, но при этом они словно окружены завесой густого тумана, за которым я ничего не могу рассмотреть. Могу лишь утверждать, что после этой части нашего с отцом путешествия мы должны были направиться из Страсбурга в Шварцвальд. Почему наш маршрут неожиданно изменился? Не знаю. Помню, как рано утром на вокзале Страсбурга мы садимся в поезд, идущий в сторону Вогез. Да, именно в Вогезы. Отец читает и перечитывает какое-то недавно полученное письмо, которое явно его обрадовало. Может быть, наши планы изменились из-за этого письма? Этого я тоже не знаю. В пути мы пообедали. Стояла предгрозовая жара, и я задремал. Помню еще главную площадь какого-то немецкого городка, где мы взяли напрокат велосипеды и оставили чемоданы в камере хранения. А потом... все смешалось в памяти... Мы ехали, но я совершенно не помню окружающий пейзаж. В какой-то момент отец сказал: «Смотри, Поль, мы пересекаем границу. Вот мы и во Франции...»

А позднее... сколько прошло времени? Он остановился, чтобы спросить дорогу у какого-то крестьянина, и тот указал ему более короткий путь через лес. Но что это была за дорога?

Куда именно вел этот короткий путь? Мою память словно заволокло затуманившей мысли непроницаемой пеленой.

Но вдруг эта завеса разрывается, и я с поразительной четкостью вижу поляну, высокие деревья, бархатистый мох и старую часовню. В этот момент все чаще и чаще начинают падать крупные капли дождя, и отец говорит: «Давай здесь спрячемся!»

Его голос и сейчас звучит у меня в ушах, и я отчетливо вижу эту часовенку с позеленевшими от древности стенами. Велосипеды мы поставили под навес с задней стороны часовни, там, где крыша выступает за пределы абсиды. И тут мы услышали голоса, доносившиеся изнутри, и скрип открываемой сбоку двери.

Кто-то выходит из часовни и произносит по-немецки: «Никого нет. Давайте поспешим».

В этот момент мы как раз обходили часовню, намереваясь войти в боковую дверь, и отец, шедший передо мной, столкнулся нос к носу с человеком, который, вероятно, и произнес эти немецкие слова.

Они отпрянули друг от друга: у незнакомца был очень недовольный вид, а отец казался потрясенным этой странной встречей. Секунду-другую они неподвижно стояли лицом к лицу. Я услышал, как отец прошептал: «Возможно ли это? Император...»

Его слова меня удивили, но поскольку я часто видел портреты кайзера, то сомневаться не приходилось: перед нами был не кто иной, как император Германии.

Германский император во Франции! Он быстро наклонил голову, потом опустил поля своей шляпы так низко, что они почти касались бархатного воротника его широкого плаща. Он повернулся к часовне, оттуда вышла дама, а следом за ней мужчина, на которого я почти не взглянул, – кто-то из слуг. Дама была высокого роста, еще молодая и довольно красивая брюнетка.

Император с силой схватил ее за руку и потащил за собой, что-то с гневом ей выговаривая, но что именно, мы не расслышали. Они пошли по той же тропинке по направлению к границе, которая привела нас сюда. Слуга побежал вперед, прокладывая им путь.

«До чего невероятное приключение! – произнес мой отец со смехом. – Почему, черт возьми, Вильгельм не побоялся пойти на такой риск? И среди бела дня! Неужели часовня представляет какой-то архитектурный интерес? Хочешь, Поль, зайдем посмотрим?»

Мы вошли. Затянутый паутиной, почерневший от пыли витраж почти не пропускал дневного света. Но его было достаточно, чтобы разглядеть приземистые колонны и голые стены; казалось, здесь не было ничего, достойного чести императорского визита, так что мой отец сказал: «Очевидно, Вильгельм Второй явился сюда в качестве туриста, скорее всего совершенно случайно, и, похоже, был весьма раздосадован тем, что оказался замешан в эту авантюру. Вероятно, сопровождавшая его дама заверила его, что он ничем не рискует. Отсюда и его раздражение, и адресованные ей упреки».

Странно, не правда ли, Элизабет, что мне так отчетливо запомнились все эти мелкие подробности, которые, по сути, неинтересны для ребенка, тогда как другие, более значительные, полностью стерлись из памяти? И все же, когда я рассказываю вам о том, что происходило в тот день, эти картины как сейчас стоят у меня перед глазами, а слова – звучат в ушах. И когда я говорю с вами, то вижу все так же отчетливо, как и в ту минуту, когда мы выходили из часовни: спутница императора торопливо идет назад по поляне нам навстречу – и слышу, как она обращается к моему отцу: «Месье, могу ли я попросить вас об одном одолжении?» Она задыхается, должно быть, ей пришлось бежать. И тут же, не дожидаясь ответа, добавляет: «Господин, которого вы встретили, желает побеседовать с вами».

Незнакомка прекрасно говорит по-французски, без малейшего акцента. Отец колеблется, но, похоже, его нерешительность возмущает ее, словно отец нанес неслыханное оскорбление пославшей ее сюда особе, и она произносит более резким тоном: «Я полагаю, вы не намереваетесь отказаться?»

«А почему бы и нет? – отвечает отец, и я чувствую нетерпение в его голосе. – Я не получал приказа на этот счет».

«Это не приказ, – возражает она, с трудом сдерживаясь, – это пожелание».

«Допустим, я готов побеседовать. Тогда я остаюсь здесь и дождусь аудиенции».

Она выглядит возмущенной. «Нет-нет, наоборот. Это вы должны...»

«Я должен взять на себя труд пересечь границу, где меня соблаговолят ожидать? – громко восклицает мой отец. – Я весьма сожалею, мадам, но я не готов сделать такое одолжение. Передайте этой особе: если есть опасения, что я предам эту встречу огласке, то они напрасны и повода для беспокойства нет, в этом можете не сомневаться. Ну, Поль, ты идешь?»

Он снимает шляпу и кланяется незнакомке. Но та преграждает ему путь.

«Нет, это вы выслушайте меня! Ваше обещание о неразглашении и гроша ломаного не стоит! Нет, нужно так или иначе решить этот вопрос, и вам придется согласиться...»

Остальные слова я не слышал. Она стояла лицом к отцу – возбужденная, настроенная явно враждебно. Ее лицо выглядело таким свирепым, что я испугался. Как я не почувствовал угрозу раньше? Но я еще был совсем ребенком! К тому же все произошло так стремительно!.. Она приближается к отцу вплотную, он пятится и прижимается спиной к стволу огромного дерева, которое росло справа от часовни. Оба они говорят на повышенных тонах. Она делает угрожающий жест, он в ответ смеется. Дальнейшее произошло резко и мгновенно: она выхватывает нож – как сейчас вижу, как его лезвие блеснуло в тени кроны, – и ударяет отца в грудь, два раза... прямо в грудь. Отец падает...

Поль Дельроз сильно побледнел от нахлынувших страшных воспоминаний и замолчал.

– Ах, – прошептала Элизабет, – твоего отца убили... Бедный мой Поль, мой бедный друг... – От волнения у нее перехватило дыхание, и она добавила: – А что случилось с вами, Поль? Вы закричали?

– Я закричал, бросился к нему, но меня удержала чья-то неумолимая рука. Это был тот самый слуга, он выскочил из леса и бросился на меня. Я видел, как он занес нож над моей головой. Я почувствовал страшный удар в плечо и тоже упал.

Глава вторая

Закрытая комната

Коляска ждала их неподалеку. Они дошли до вершины холма и сели на краю дороги. Перед ними открывались мягкие зеленые изгибы долины Лизрон, по ней текла извилистая речка, а по обеим ее сторонам тянулись, в точности повторяя ее очертания, две белые дороги. Позади, примерно метрами ста ниже, лежала освещенная солнцем громада Корвиньи. Впереди, на расстоянии нескольких километров, возвышались крепостные башни Орнекена и развалины старого донжона.

Молодая женщина, потрясенная рассказом Поля, долго молчала. Наконец она произнесла:

– Ах, Поль, как это все ужасно! Вы, должно быть, очень страдали?

– Я совершенно не помню, что было потом, я пролежал в беспамятстве вплоть до того дня, когда очнулся в незнакомой комнате, где за мной ухаживали пожилая кузина моего отца и монашка. Это была лучшая комната постоялого двора, расположенного между Бельфором и границей. На рассвете, двенадцатью днями ранее, владелец постоялого двора нашел у своих дверей два неподвижных окровавленных тела, которые принесли и бросили здесь ночью. Быстро осмотрев их, он обнаружил, что одно из них совершенно ледяное – это был мой бедный отец, я же еще немного дышал!

Выздоровление было долгим, меня мучили новые приступы и лихорадка, и тогда я бредил и пытался от кого-то спастись. Старушка-кузина, единственная оставшаяся у меня родствен-

ница, показала замечательный пример преданности и заботливого ухода. Два месяца спустя она забрала меня к себе – почти оправившегося от раны, но глубоко потрясенного смертью отца и чудовищными сопутствующими ей обстоятельствами. Мне потребовалось еще много лет, чтобы здоровье полностью восстановилось. Что же касается самого трагического происшествия...

– Так что же было потом? – спросила Элизабет, обнимая мужа и словно пытаясь защитить его.

– Что было потом? А то, что эта тайна так и осталась нераскрытой, – ответил Поль. – Надо сказать, правосудие проявило похвальное усердие и тщательно старалось проверить те единственные свидетельства, которыми я располагал. Однако его усилия не увенчались успехом. К тому же мои показания были довольно расплывчатыми. Я помнил только то, что произошло на поляне и перед часовней. Где искать эту поляну? Где находится часовня? В какой стране произошла трагедия?

– Но вы же с отцом путешествовали, вы ездили по разным городам, и мне кажется, если отталкиваться от вашего отъезда из Страсбурга...

– Конечно, как легко догадаться, эта версия рассматривалась, а французское правосудие, не найдя поддержки у германских властей, бросило на расследование этого убийства лучших полицейских. Но вот позже, когда я достиг сознательного возраста, меня крайне удивило одно обстоятельство: оказалось, что от нашего пребывания в Страсбурге не осталось ни малейшего следа. Понимаете, ни малейшего! Однако я совершенно точно помню, что мы ели и ночевали в Страсбурге, причем провели там целых два дня. Следовательно, который вел это дело, пришел к заключению, что воспоминаниям насмерть перепуганного ребенка доверять нельзя. Но я уверен, что можно; я всегда был в этом уверен – и тогда, и сейчас.

– И что это значит, Поль?

– А то, что я не могу не усмотреть связи между полным исчезновением неопровержимых фактов, которые нетрудно восстановить или проверить, как, например, пребывание двух французов в Страсбурге, их путешествие по железной дороге, багаж, оставленный в камере хранения, аренда двух велосипедов в эльзасском городке, и тем существенным обстоятельством, что в это дело был непосредственно, подчеркиваю, непосредственно, вовлечен сам император Германии.

– Но, Поль, та же самая мысль должна была прийти и в голову следователя...

– Разумеется, однако ни следователь, ни представители правосудия, ни чиновники, которым я давал показания, не желали признать, что в тот день император находился в Эльзасе.

– Но почему?

– Потому что немецкие газеты сообщали, что в то же самое время он находился во Франкфурте.

– Во Франкфурте?

– Проклятье, да ведь только он сам и решал, сообщать ли о своем пребывании в Эльзасе или держать его в тайне! Во всяком случае, мне снова заявили о том, что я ошибаюсь, и следствие опять столкнулось с таким количеством препятствий, фальшивых алиби, ложных показаний... короче говоря, с невозможностью двигаться дальше... что даже мне стало ясно, что за всем этим стоит какая-то всемогущая сила, не знающая преград. Такого единственно приемлемое объяснение. Судите сами, разве могли двое французов остановиться в отеле в Страсбурге без регистрации в книге постояльцев? Не знаю, то ли эту книгу выкрали, то ли вырвали соответствующую страницу, но наши фамилии нигде не значились. В итоге не осталось ни доказательств, ни следов. Хозяин и персонал гостиницы и ресторана, приемщики в камере хранения, служащие на железной дороге и в пункте проката велосипедов – столько мелких сошек, а иначе говоря, соучастников: всем им было велено держать язык за зубами, и ни один из них не ослушался.

– Но, Поль, должно быть, позднее вы сами занялись расследованием?

– Еще бы! Едва я стал старше, я четыре раза объехал границу – от Швейцарии до Люксембурга, от Бельфора до Лонгви, – я изучал окрестности, расспрашивал людей. А сколько времени я потратил, тщетно стараясь добраться до самых потаенных глубин собственной памяти и извлечь оттуда хоть какое-то обрывочное воспоминание, которое могло бы хоть что-либо прояснить. Бесполезно. Никакого проблеска света в этих сумерках. Из густого тумана прошлого всплывают лишь три образа. Само место и немые свидетели преступления: деревья на поляне, старая часовня, тропинка, уходящая в лес. Образ императора. И образ... образ женщины-убийцы.

Поль понизил голос. Его лицо исказилось болью и ненавистью.

– Да, эта женщина! До конца моих дней она будет отчетливо, словно в лучах яркого света, стоять у меня перед глазами. Я как сейчас вижу все, вплоть до малейших деталей: ее взгляд, форму рта, оттенок волос, особую походку, энергичную жестикуляцию, ее силуэт – это существует в моем сознании, но уже не как образ, который при желании можно извлечь из тайников памяти, а как часть меня самого; это вошло в мою плоть и кровь. Можно подумать, что пока я лежал в бреду, таинственные силы моего разума стремились полностью вобрать в себя эти чудовищные впечатления. Но теперь они перестали быть болезненной одержимостью, а превратились в долгие, многочасовые муки, особенно по вечерам, когда я сижу в одиночестве. Отец убит, а его убийца жива – счастливая, богатая, почитаемая – и безнаказанно продолжает ненавидеть и разрушать.

– Поль, вы бы смогли ее узнать?

– Узнать ее? Да! Я узнал бы ее среди тысяч и тысяч женщин! Даже если она изменилась с возрастом, я бы все равно распознал под морщинами старухи лицо молодой женщины, которая убила моего отца тем сентябрьским днем. Я не могу не узнать ее! Я даже помню цвет ее платья! Это кажется невероятным. Серое платье, на плечах черная кружевная шаль, а на корсаже приколоты брошь – крупная камеш в золотой оправе в форме змеи с рубиновыми глазами. Как видите, Элизабет, я ничего не забыл и никогда не забуду!

Он замолчал. Элизабет плакала. Прошрое, которое открыл ей муж, отозвалось и в ней ужасом и горечью. Он притянул ее к себе и поцеловал в лоб. Она сказала:

– Помни, Поль, что преступление непременно будет наказано, потому что иначе быть не может. Но нельзя подчинить свою жизнь воспоминаниям, вселяющим ненависть. Отныне нас двое, и мы любим друг друга. Нужно смотреть в будущее.

Замок Орнекен – красивое и довольно простое по архитектуре сооружение XVI века с четырьмя небольшими башнями, увенчанными колоколенками, с высокими окнами с кружевными пинаклями² и изящной балюстрадой, выступающей над первым этажом. Правильной формы лужайки, обрамляющие прямоугольник парадного двора, образуют эспланаду и ведут справа и слева к садам, рощам и фруктовым деревьям. С одной стороны эти лужайки замыкает просторная терраса, откуда открывается вид на долину Лизрон. К террасе примыкают, зрительно продолжая линию замка, величественные руины квадратного донжона.

Весь ансамбль выглядит весьма монументально. А примыкающие к нему владения, окруженные фермами и полями, – одни из самых крупных в своем департаменте – требуют неутомимого и тщательного труда.

Семнадцать лет назад после смерти последнего барона д'Орнекена замок выставили на продажу, и он так приглянулся графине д'Андевиль, что отец Элизабет приобрел его. К тому времени они были женаты уже пять лет после того, как он ушел в отставку в звании кавалерийского офицера, дабы полностью посвятить свою жизнь любимой женщине. Как-то во

² Пиналь – в готической архитектуре небольшая декоративная башенка, увенчанная миниатюрным шатром.

время путешествия они совершенно случайно оказались в Орнекене в тот самый момент, когда должны были состояться торги, лишь вскользь упомянутые в местных газетах. Эрмина д'Андевиль пришла в восторг. Граф как раз подыскивал поместье, содержанием которого мог бы заняться на досуге, и заключил сделку через поверенного юриста. Всю следующую зиму он руководил из Парижа реставрационными работами – предыдущий владелец привел замок в полное запустение. Графу хотелось, чтобы жилые помещения были не только комфортабельными, но и красивыми, поэтому он переправил в замок всевозможные безделушки, гобелены, произведения искусства и полотна известных мастеров, которые украшали его парижский особняк.

Поселиться там они смогли лишь в августе и прожили несколько прекрасных недель с любимой дочерью, четырехлетней Элизабет, и сыном Бернаром, пухлым младенцем, которого графиня совсем недавно произвела на свет.

Эрмина д'Андевиль была безраздельно предана своим детям и никогда не покидала поместье. Граф наблюдал за работами на фермах и вместе с управляющим и смотрителем замка Жеромом объезжал свои охотничьи угодья.

Но в конце октября графиня простудилась, недомогание повлекло за собой серьезные осложнения, и граф д'Андевиль решил увезти жену с детьми на юг. Две недели спустя случился рецидив болезни, а еще через три дня графини не стало.

Граф пребывал в таком отчаянии, что было очевидно: жизнь для него кончена и он никогда больше не сможет ни радоваться, ни утешиться в своем горе. Теперь он жил не столько ради детей, сколько из стремления поддерживать культ усопшей и увековечить ее память – в этом теперь состоял единственный смысл его существования.

После смерти жены он не мог вернуться в замок Орнекен, где познал безграничное счастье, но и не мог допустить, чтобы там поселились чужие люди, и потому велел Жерому заколотить все двери и ставни и навсегда закрыть доступ в покои графини. Кроме того, Жерому было поручено сдать фермы в аренду земледельцам и собирать с них плату.

Но и этого отказа от прошлого графу показалось недостаточно. Для человека, который жил только воспоминаниями о своей жене, он вел себя довольно странно: ему было невыносимо все, что напоминало о ней: знакомые предметы, домашняя обстановка, пейзажи и места их совместного пребывания; даже его собственные дети были ему в тягость, и он ничего не мог с этим поделать. В Шомоне, в провинции, жила его старшая вдовья сестра. Он доверил ее заботам дочь Элизабет и сына Бернара, а сам отправился путешествовать.

Детство Элизабет прошло в доме ее тети Алины, женщины преданной и самоотверженной, в атмосфере нежности и строгости: она много училась, и вместе с умом и характером в ней формировались ее сердечные устремления. Она получила хорошее образование и усвоила строгие моральные нормы.

В свои двадцать лет это была высокая, решительная и бесстрашная девушка, ее лицо, несколько меланхоличное от природы, изредка озарялось крайне наивной и ласковой улыбкой – на таких лицах начертаны уготованные судьбой испытания и радости. Ее глаза могли в любую минуту наполниться слезами, и, казалось, ее было способно взволновать любое зрелище. Светлые локоны придавали лицу живость.

Граф д'Андевиль, навещавший детей в перерывах между путешествиями, все больше и больше попадал под обаяние повзрослевшей дочери и две зимы подряд возил ее в Италию и Испанию. И однажды в Риме она познакомилась с Полем Дельрозом; потом они столкнулись в Неаполе и в Сиракузах, а затем оказались вместе на длительной экскурсии по Сицилии. Это близкое общение привязало их друг к другу, а силу этой привязанности они осознали лишь в момент расставания.

Поль, как и Элизабет, вырос в провинции, его также растила преданная родственница, старавшаяся своей привязанностью и заботой вытеснить из памяти мальчика пережитую им в

детстве трагедию. И хотя ей это не удалось, она, по крайней мере, сумела продолжить начатое отцом и воспитала Поля честным, трудолюбивым, широко образованным, деятельным и пытливым юношей. Он закончил Высшую инженерную школу, потом отслужил в армии и два года прожил в Германии, где профессионально изучал промышленное производство и механику, к которым проявлял глубокий интерес.

Поль был высокого роста, хорошо сложен, с темными, зачесанными назад волосами; художавое лицо и волевой подбородок свидетельствовали о внутренней силе и энергичном характере.

Встреча с Элизабет открыла доселе неведомый ему мир чувств и эмоций, который опьянял и изумлял обоих. Любовь раскрепостила их души, придала легкость, широту и воодушевление, неведомые им в прежней суровой жизни. Вернувшись во Францию, он попросил ее руки. Она ответила согласием.

Во время заключения брачного договора, состоявшегося за три дня до свадьбы, граф д'Андевиль объявил, что включает замок Орнекен в приданое дочери. Молодые люди решили в нем поселиться, и Поль начал подыскивать в промышленных районах неподалеку от замка какое-то предприятие, которое он мог бы приобрести и управлять им.

В четверг, 30 июля они поженились в городке Шомон. Свадьба прошла в очень тесном кругу, поскольку все вокруг толковали о войне, хотя граф д'Андевиль, ссылаясь на достоверные источники, и утверждал, что ее не будет. На семейном обеде Поль познакомился с Бернаром д'Андевилем, братом Элизабет, семнадцатилетним учеником коллежа, у которого только что начались каникулы. Он очень понравился Полю своей живостью и прямоотой. Договорились, что через несколько дней Бернар приедет погостить к ним в Орнекен.

Наконец в час дня Элизабет и Поль уехали из Шомона на поезде. Теперь, держась за руки, они направлялись к замку, где собирались провести первые годы совместной жизни, а возможно, и все свое счастливое и безмятежное будущее, о котором всегда грезят ослепленные любовью молодожены.

В половине седьмого вечера они встретили Розали, жену Жерома, – добродушную жизнерадостную толстушку с красными прожилками на щеках. Перед ужином они успели мельком осмотреть замок и сад.

Элизабет не могла сдержать волнения. И хотя у нее не сохранилось будоражащих душу воспоминаний, ей все же казалось, что что-то здесь напоминает о матери, которую она так мало знала и почти не помнила, и о ее последних счастливых днях, проведенных в замке. Ей чудилось, что тень умершей еще бродит по аллеям парка. Большие зеленые лужайки источали особый аромат. Листья деревьев трепетали на ветру, и ей чудилось, что она уже слышала этот шелест именно на этом месте, в такое же время, вместе с матерью.

– Вам грустно, Элизабет? – спросил Поль.

– Нет, не грустно, просто я немного волнуюсь. Мне кажется, что в этом доме нас встречает моя мать, она мечтала тут жить сама, и мы приехали сюда с теми же надеждами. И теперь меня почему-то охватила тревога – словно я здесь посторонняя незваная гостья и нарушаю покой этого безмятежного уголка. Подумать только! Моя мать так давно живет в этом замке в полном одиночестве. Отец ни за что не хотел приезжать сюда, и вот я думаю, что и у нас, равнодушных ко всему, что не касается нас напрямую, возможно, тоже нет права здесь находиться.

Поль улыбнулся:

– Элизабет, дорогая моя, вам просто тревожно – так чувствует себя любой человек, оказавшийся вечером в незнакомом месте.

– Не знаю, – ответила она, – наверное, вы правы... И все-таки я не могу отделаться от этого чувства тревоги, которое мне вообще несвойственно. Поль, вы верите в предчувствия?

– Нет, не верю, а вы?

– Ну и я не верю, – сказала она, смеясь и подставляя губы для поцелуя.

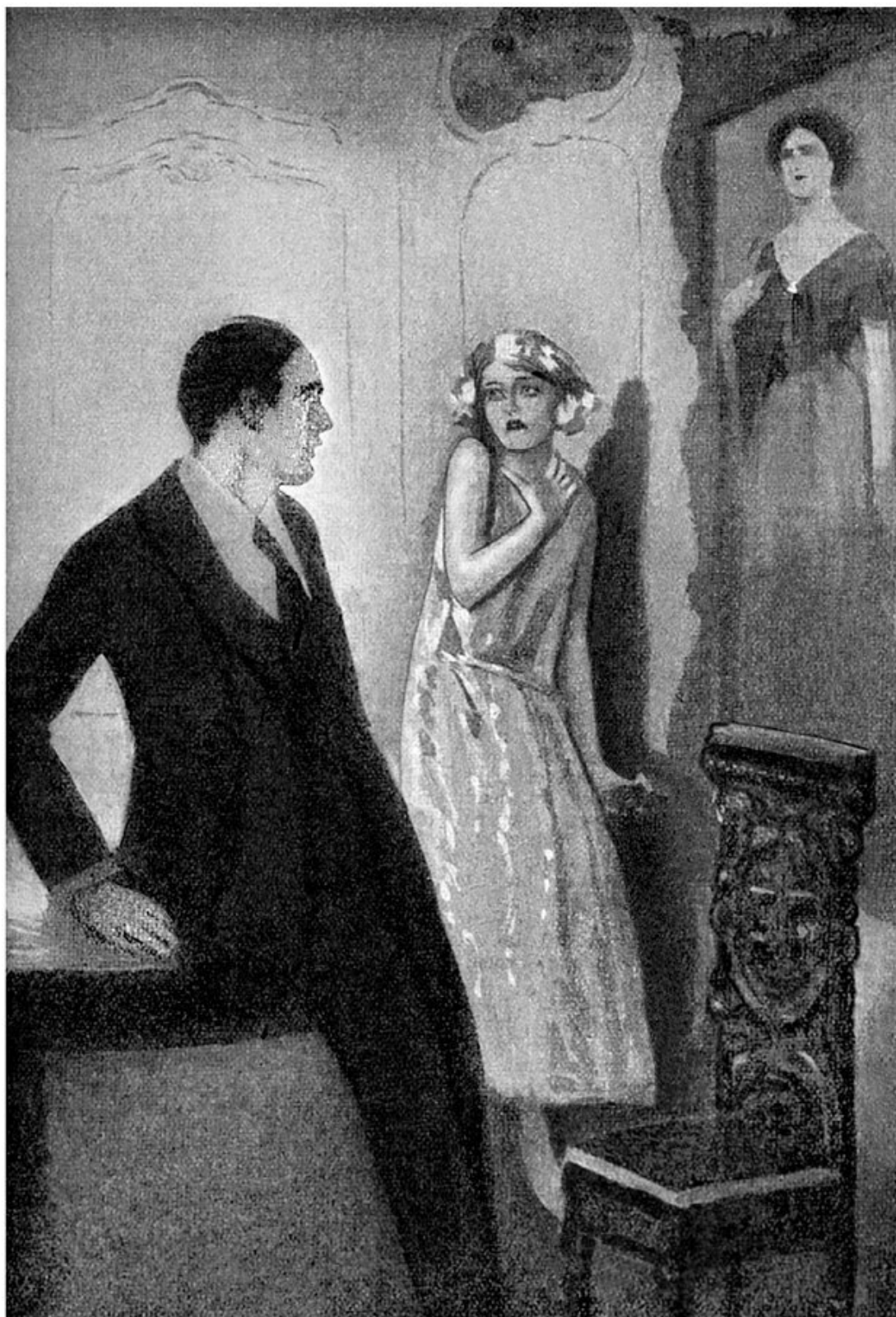
Они с удивлением обнаружили, что все гостиные и спальни замка выглядят совершенно обжитыми, словно никогда не пустовали. По настоянию графа все сохранялось в том же виде, как и много лет назад при жизни Эрмины д'Андевиль. Те же безделушки, вышивки и кружевные скатерти, мебель, миниатюры, дивные кресла XVIII века, фламандские гобелены, когда-то купленные графом для украшения своего дома, – все, как прежде, было на своих местах. Поэтому с первых же шагов они попали в атмосферу уютной семейной жизни.

После ужина они вернулись в сад и, обнявшись, молча гуляли там. С террасы открывался вид на сумеречную долину, где изредка мелькали яркие огоньки. Под бледным небом высились мощные руины древнего донжона, день угасал.

– Поль, – спросила Элизабет шепотом, – а вы заметили, что, когда мы осматривали замок, мы прошли мимо двери, запертой на большой навесной замок?

– В главном коридоре рядом с вашей спальней? – ответил Поль.

– Да, это был будуар моей бедной мамы. Отец настоял на том, чтобы его закрыли, как и примыкающую к нему комнату. Жером повесил замок, а ключ отослал отцу. С тех пор туда никто не заходил. Там все осталось так, как было при маме. Все, к чему она прикасалась, – ее незаконченное рукоделие, любимые книги. А на стене напротив двери между двумя навеки закрытыми окнами висит ее портрет, написанный за год до ее смерти известным художником, знакомым моего отца: мама изображена на нем в полный рост и выглядит как живая... так мне говорили. Рядом стоит ее молельная скамеечка. Сегодня утром отец отдал мне ключ от будуара, и я обещала, что преклоню колени на этой скамеечке и помолюсь перед ее портретом.

– Тогда пойдете, Элизабет.

Они поднимались по лестнице на второй этаж, и он чувствовал, как ее рука дрожит в его ладони. В коридоре горели все лампы. Они остановились.

Высокая дверь, проделанная в толстой стене, была увенчана резным золоченым орнаментом, отбрасывающим яркие отблески.

– Откройте, Поль, – попросила Элизабет, и голос ее дрогнул.

Она протянула ключ. Поль повернул его в замке и взялся за дверную ручку. Но внезапно Элизабет схватила мужа за руку.

– Поль, подождите... Я так волнуюсь! Представьте себе, ведь я впервые в жизни окажусь рядом со своей матерью, перед ее портретом... а вы со мной, мой любимый... Мне кажется, я возвращаюсь в детство.

– Да, это детство, – сказал он, страстно прижимая ее к себе, – но и ваша взрослая жизнь, жизнь женщины...

Она успокоилась в его объятиях, высвободилась и прошептала:

– Поль, дорогой, давайте войдем.

Он толкнул дверь, потом вернулся в коридор, взял одну из ламп и поставил ее в комнате на круглый столик.

Элизабет уже вошла внутрь и стояла перед портретом.

Лицо матери оставалось в тени, поэтому она подняла лампу, чтобы полностью осветить его.

– Какая она красавица, Поль!

Он подошел и взглянул на портрет. Элизабет бессильно опустилась на скамеечку. Но через мгновение, поскольку Поль молчал, она посмотрела на него и застыла в смутении.

Он стоял, не двигаясь, белый как полотно, глядя на портрет широко раскрытыми глазами, словно увидел перед собой страшное видение.

– Поль, – закричала она, – что с вами?

Он попятился к двери, не в силах оторвать взгляда от графини Эрмины. Он шатался, как пьяный, и взмахивал руками, будто отталкивая что-то от себя.

– Эта женщина... эта женщина... – хрипло бормотал он.

– Поль, – взмолилась Элизабет, – что ты хочешь сказать?

– Эта женщина убила моего отца.

Глава третья

Приказ о мобилизации

За этим страшным обвинением последовало зловещее молчание. Элизабет стояла неподвижно рядом с мужем и старалась осознать истинный смысл его слов, еще не понимая их, но чувствуя такую боль, будто ее ударили ножом прямо в сердце.

Она подошла к нему ближе и, глядя прямо в глаза, очень тихо, почти неслышно произнесла:

– Поль, что ты сказал? Это же чудовищно!..

Он ответил ей в тон:

– Да, чудовищно. Я сам еще не могу в это поверить... И не хочу верить...

– Но ведь ты ошибся, правда? Ты ошибся, ну признайся...

Она умоляла его в таком отчаянии, словно надеялась, что он уступит.

Он через плечо жены снова посмотрел на проклятый портрет и вздрогнул всем телом.

– Нет, это она, – подтвердил он, сжав кулаки. – Это она... Я узнал ее... Это она убила...

Молодая женщина в порыве возмущения ударила себя кулаком в грудь:

– Моя мать! Моя мать убила кого-то? Мой отец обожал и по сей день обожает ее!.. Она качала меня в колыбели и целовала меня! Я ничего о ней не помню, кроме ее ласк и поцелуев! Разве могла она кого-то убить?

– Это она.

– Поль, не произносите таких оскорбительных слов! Как вы можете утверждать подобное? Ведь преступление совершено так много лет назад! Вы были совсем ребенком и видели эту женщину лишь мимолетно!.. От силы несколько минут.

– Я видел больше, чем можно увидеть глазами, – горячо воскликнул Поль. – С той минуты, когда было совершено преступление, ее образ постоянно преследует меня. Мне хотелось от него избавиться, как стараются избавиться от навязчивого кошмара, но я не смог. И вот этот образ передо мной – здесь, на стене. Я уверен, что не ошибся, как не сомневаюсь в том, что я – это я. Так вот, я узнал ее, как узнал бы вас двадцать лет спустя! Это она... Да взгляните же! Серое платье, на ее корсаже та самая брошь в золотой оправе в форме змеи... Камея! Разве я не говорил вам о ней? Рубиновые глаза у змеи! И эта проклятая кружевная шаль на плечах! Это она! Та самая женщина!

Он не мог сдержаться и в ярости погрозил кулаком портрету Эрмины д'Андевиль.

– Прекрати, – закричала Элизабет, для которой было мучительно каждое его слово, – замолчи, я запрещаю тебе...

Она хотела закрыть ему рот рукой, чтобы он замолчал. Но Поль отшатнулся от жены, словно боясь ее прикосновения, и это движение было столь резким и произвольным, что она упала ничком на пол и разрыдалась; он же, доведенный до отчаяния, охваченный гневом и ненавистью, весь во власти ужасающего видения пятился к двери и бессвязно бормотал:

– Это она! Ее отвратительный рот, беспощадные глаза! Она замышляет преступление. Я вижу... вижу... Она подходит к отцу! Подзывает ближе!.. Заносит нож!.. Убивает его!.. Преступница!..

И он выбежал из комнаты.

Поль провел ночь в парке: как безумный метался по темным аллеям, а иногда обессиленный падал на лужайку, не в силах сдержать слез.

Обычно Поль Дельроз испытывал страдания, лишь вспоминая об убийстве, – с годами боль притупилась и усиливалась лишь изредка, но тогда Полю казалось, что ему нанесли новую рану. Однако на сей раз боль оказалась столь неожиданной и невыносимой, что, несмотря на все его здравомыслие и самообладание, он буквально потерял голову. Его суждения, действия, все его поведение, слова, выкрикиваемые им ночью, свидетельствовали о том, что он перестал владеть собой.

В его воспаленном мозгу, где, как листья на ветру, вихрились образы и мысли, мелькала лишь одна страшная догадка: «Я знаю, кто убил моего отца, и она мать той женщины, которую я люблю!»

Но любил ли он ее теперь? Сейчас он оплакивал свое разбитое счастье, но любил ли он еще Элизабет? Мог ли он любить дочь Эрмины д'Андевиль?

На рассвете Поль вернулся в замок, и у него даже не екнуло сердце, когда он проходил мимо спальни Элизабет. От ненависти к убийце в нем угасли не только любовь, желание, нежность, но и простое человеческое сострадание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.